

Александр Карнишин

**Почти
фантастика**

Александр Карнишин

**Почти фантастика.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Карнишин А.

Почти фантастика. Сборник рассказов / А. Карнишин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748376-0

Иногда фантастикой кажется то, что вокруг нас. А иногда реальность становится фантастикой. Сборник фантастических рассказов. Или не совсем фантастических.

ISBN 978-5-44-748376-0

© Карнишин А.
© Издательские решения

Содержание

Черный поезд	6
Вишенка	9
Зомби-зомби-зомби	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Почти фантастика
Сборник рассказов
Александр Карнишин

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный поезд

Из нашего поселка-то выхода ведь нет совсем. Он ведь так и называется потому неспроста – Глухарь. И это ведь не охотники какие-нибудь его так называли, понимать надо, да и охотников у нас здесь просто так ведь и не бывает вовсе. Где им тут охотиться? В степи, что ли? А откуда тогда на охоту приезжать-то? У нас же тут даже дорог никаких вокруг нет. Вон, только железная, да и та в пяти километрах – будто кто-то специально поставил дома поселка так, чтобы ничего вокруг не было: ни холмов тебе, ни лесов никаких, ни рек – степь, да степь, серая от полыни. В одну сторону глянешь – сто километров ничего нет, в другую... Глухарь, в общем. Верное слово.

Что говоришь? Железная дорога?

Так, чо, там же просто два рельса, значит, и сарайчик старый для обходчика. А кто того обходчика хоть раз видел? Может, никакого обходчика вовсе и нет. Я вот лично не видел его ни разу. Хотя к дороге бегал часто. Мы тут все к дороге бегаем – куда еще-то?

А, заметил, да? Ну, это так говорят у нас просто: сбегать на огороды, значит, на зады, то есть, сбегать за водой, сбегать на железку. Говор такой местный, традиция, вроде. Иногда и вправду так бывает, что бежишь. Ну, тут же простор кругом – бегай себе и бегай. Особенно если в детстве.

Вот на железку мы и бегали. Поезда у нас тут не останавливаются. Надо если, так ехай на вокзал в район. А на чем и как? Дорог-то ведь нет никаких. Это только если вдруг придет рабочий поезд, который у каждого столба тормозит, так на него еще надо заранее собираться и потом ждать весь день – кто знает, когда он точно подползет. Рабочий поезд смену везет. У нас там, на юг дальше, карьеры большие, так народ туда нанимается и вахтовым способом работает. Два месяца через два – говорят, нормально получают. А нам даже и туда не добраться никак иначе, чем по той же железке.

А потом мы узнали про Черный поезд. Рано или поздно всегда узнаешь про Черный поезд.

Ну, чего, чего ржать-то сразу? Чего сразу – «в черном-черном городе, на черной-черной улице»... Вы послушайте, послушайте! Черный поезд – он вправду был и он есть, и я его сам видел неоднократно. Мы тогда с дружкой моим Васькой решили из нашего Глухаря слинять. Пешком тут – сами видите – просто некуда. На рабочем поезде – кто нас возьмет, мелких и безденежных? А вот когда про Черный поезд услышали...

Ну, да, тоже посмеялись сначала-то. Но книжки правильные были всякие. Типа, там, Кинг и все такое прочее. Конечно, наш Глухарь – это не Безнадега тебе американская какая-нибудь. Но там у Кинга даже веселее было. Движуха, хоть и страшно. А у нас тебе здесь вовсе не Америка. У нас тут, понимаешь, степь. Туда – сто километров, сюда – сто километров... Да, больше, пожалуй!

А Черный поезд – он пролетает мимо, не оставляя ни запаха, ни звука, только рельсы прогибаются, и долго еще стук колес слышен, если к рельсу ухо приложить.

В общем, мы с другом Васькой поняли тогда, что из Глухаря – только Черным поездом.

Ну и что, если он не тормозит? Он же – Черный! Понимаете? Он не настоящий на самом деле! Он такой... Ну, как адский, что ли. Или еще сказать – как такая прореха во всем мировом пространстве. Вот! Точно! Прореха такая черная, которая носится по кругу по нашей железке, запертая у нас в древности кем-то. И мы даже догадывались с Васькой, кем. У нас тут есть могила, за которой все всегда ухаживают. Там пирамидка простая и фамилия-имя-отчество. А весь поселок, значит, следит, чтобы все в порядке было. Это не на кладбище. Это вот на как раз полдороги к железке с правой стороны. Так мы тогда сами все додумали, документами. Ну, хорошо, пусть будет – придумали, ладно. Что смешного-то? Зато логично все было.

Эту прореху адскую вот тот самый, чья фамилия на памятнике, закольцевал, запер как-то чуть не в древности. А сам он тут и остался, вроде как сторож над нею. А когда помер, так те, значит, кто в курсе был, еще дальше от железки строиться стали. Потому что страшно это и опасно. Если бы не так все было, то стоял бы наш Глухарь прямо на железной дороге, и была бы станция, и ресторан при ней, и поезда бы ходили регулярно. А у нас вон как. Понятно же каждому, отчего и почему.

Вот мы с Васькой стали каждую свободную минуту на нашей железке проводить. Мы с ним отслеживали Черный поезд и составляли такой специальный график. Он, понимаешь, не только ночью пролетал. Он и днем мог просвистеть, и рано утром – вот в самое как бы любое время. Но мы график составили, потому что целых три года ходили и отслеживали. Три года – ровно. Все равно ведь в школе надо было доучиться, а потом уже решаться на что-то.

На что решаться-то? Да линять с этого Глухаря, нафиг! Тут жизни нет! Что значит, родители жили и деды жили? Это их жизнь, а это – наша. Вот мы и решили для себя, что мало ли кто и как тут живет, а нам тут в глухой степи не место.

Три года! Вам не понять, как это долго. То по очереди, то вдвоем – чуть что, сразу на железку. И караулить там Черный поезд...

Да мы его тормозить-то и не собирались. Вот не хватало нам еще эту дырку черную обновить. Тогда бы и степь нашу и поселок – все туда ухнуло. Я думаю, что до карьера бы дотянулось – точно. Такой был бы катаклизм – ого-го! Нет, тормозить его не надо было ни в коем случае. Надо было просто встать перед ним, перед Черным поездом. И он уносил тебя, как если бы ты нырнул в настоящую космическую черную дыру.

Есть, слышь, такая теория, что можно выжить, даже если – в черную дыру. Тогда, мол, насквозь пролетаешь и вылетаешь в другом совсем пространстве, за миллионы километров. А может и в другом времени. Наука сейчас разное говорит. Но это все в космосе. А у нас тут – Черный поезд. Надо, выходит, просто дождаться, встать перед ним, и тебя перенесет сразу в город.

В какой? Ну, это мы тогда с Васькой не обдумывали, чтобы точно с названием. Но мне лично казалось – в самый большой должно перенести.

И вот мы три года составляли график движения Черного поезда. И мы его, блин, составили! Оказывается, была такая хитрая формула, которой можно посчитать, когда он появится в следующий раз. И даже время вычисляется с точностью примерно до часа.

В общем, мы с Васькой собрали свои рюкзаки. Ну, там, поесть на первый случай, попить. Трусы-носки, как положено. Немного денег. Совсем немного – мы бы в городе заработали, потому что уже не маленькие были. И однажды ночью, решившись, оставили записки родителям, а сами побежали на железку. Все у нас было рассчитано. Час шагом до рельсов, час там ждать, а потом придет за нами Черный поезд. И мы улетим на нем в город.

Что?

Ну, дождались, ага. Стук колес, гудок такой страшный, просто сердце просто рвет, проектор в глаза...

Мы с Васькой встали прямо между рельсами. А чтобы не так страшно было, просто отвернулись. А то ведь дрогнешь там, испугаешься, шарахнешься в сторону... И вот, значит, он летит, гудит, рельсы под ним прогибаются и стонут, шпалы трясутся, а мы стоим спиной.

Васька первым к поезду встал. Я вторым, за ним следом. Рядом там все же тесно было. А надо было как раз рядом становиться, это я уже теперь понимаю – рядом надо было! А так вышло, что Ваську-то толкнуло, он – меня. И я сорвался, качнулся, шагнул чуть в сторону. Вот и все, значит. И не вышло из-за этого у меня ничего.

Ага, тогда как раз и ноги свои потерял.

Ну, так что, мужики, угостите инвалида, а? Я ж старался, рассказывал вам про наш Глухарь, да про наш страшный Черный поезд.

Что? Про Ваську-то? А что про Ваську говорить. Васька теперь в городе. В самом большом. Вы его тут в Глухаре с тех пор видели хоть раз? Не видели. Вот то-то же и оно.

Вишенка

Сон был каким-то неприятным, как бывает неприятным красивый, но неудобный, тесный костюм. Вот вроде бы и модный он, и этикетка на внутреннем кармане пришита правильная – можно показывать всем и доказывать, если что, а – тесный. Под мышками жмет. По шее краем ворота натирает. Это так тебе лично кажется, что тесный. Мама говорит, что очень хороший и модный костюм. Папа говорит, мол, надевай, не парься, все путем! А он тесный, тесный! И от того неприятный.

И вот сон вроде был яркий, красивый, про лето и летние каникулы, которые как раз вот именно сегодня начались, а все равно какой-то неприятный. Что-то в нем было не так. Что-то жало и теснило со всех сторон. Неудобный он был, этот сон.

Поэтому Алексей даже обрадовался, когда его подергали за ногу, и строгий мамин голос сказал, что уже пора вставать, и что его ждет сейчас очень серьезный разговор. Она так и сказала:

– Алексей, быстро спускайся. У нас с папой есть к тебе очень серьезный разговор.

Когда мама говорит «очень серьезный разговор», то это означает, что будет действительно тот еще разговорчик. Только не понятно, а что он сделал-то? Потому что о чем еще могут говорить «очень серьезно»?

– А что я сделал-то? – начал, было, он, но мама строго сказала:

– Не гунди! Быстро вниз!

Ого! Это действительно серьезно. А если еще и папа в таком настроении...

У них тут был небольшой дом, который получился переделкой из простого блочного проекта. Внизу, где по проекту подвал и гараж, сделали большую просторную комнату. Там есть телевизор и тренажеры всякие. А в коридоре сразу направо вход в ванную и туалет. Выше этажом, то есть на самом деле как бы на первом – большая комната, светлая просторная кухня и спальная родителей. А из кухни крутая деревянная лестница ведет еще выше, где с раннего детства живет Алексей. У него своя собственная комната с чуть скошенным потолком и с одним широким окном во всю стену. И даже есть свой маленький туалет сразу за дверью. Вроде как на такой маленькой треугольной лестничной площадке. Это очень удобно, между прочим. И для себя, и если кто придет в гости. Только к нему пока еще никто не приходил.

За окном было совсем темно. В комнате горел свет. Алексей знал, что светать начинает часа в четыре. То есть, выходит, сейчас стоит самая настоящая глубокая ночь, когда положено спать. Но все же ночное пробуждение было интереснее, чем смотреть тот странный и неудобный сон.

Зевая, лениво шлепая босыми ногами по теплым деревянным ступеням, он спустился на кухню.

Папа, раскладывающий какие-то железяки на развернутом как для приема гостей кухонном столе, посмотрел на него, сморщился и сказал коротко, но очень понятно:

– Быстро умыться. Одеться, как для дальнего похода. Не разговаривать! Не спрашивать! Исполнять! Кончилось твое детство... Вот сегодня – кончилось.

Так не разговаривают с детьми, когда хотят их просто поругать за какую-то шалость. И потом, Алексей вдруг понял, что это за железки масляно блестят там на столе. Папка собирал оружие. Прямо здесь, наверху, на кухонном столе. И мама молча подавала ему какие-то детали и даже не ругалась. А вот когда он солдатиков выстраивал на столе – ругалась всегда!

Но тут папа посмотрел удивленно, приподняв правую бровь, и Алексей кинулся вверх по лестнице – умыться и одеваться «по-походному».

...

– Садись, сын. У нас есть еще целых двадцать пять минут.

Алексей сел на стул, положил руки перед собой, как в школе, и выслушал короткую, но очень емкую лекцию, прерываемую паузами, когда папе очень хотелось выругаться, но ругаться ему при сыне было никак нельзя. Потому что непедагогично.

Папа сказал, что их все-таки нашли. Они тут, так он сказал, прятались, на этой стороне. И уже думали, что совсем оторвались от преследователей навсегда. Сумели – так они думали с мамой. Даже привыкли к такой мысли. Главным теперь было – воспитание сына. Поэтому ему было всегда очень многое разрешено. И поэтому его называли дома Алексеем, а не Лешенькой каким-нибудь там.

Ага, Лешенькой только еще не хватало. При их-то фамилии...

Так его звали как раз в школе. Смеялись – Лешенька Вишенка. Ах-ах-ах, какой милый молодой человек. Какой застенчивый молодой человек. Какой... Иногда просто в школу не хотелось идти. То есть, в школу, учиться, всегда не хотелось – Алексей был нормальным пацаном двенадцати лет – а кому в таком возрасте хочется в школу? Но иногда не хотелось сильнее, чем обычно. И конечно, «Лешенька Вишенка» было одним из поводов прогулять.

А еще он был слабый. И толстый. Так говорили пацаны из их класса и из параллельного тоже. Они кричали ему:

– Эй, толстый!

И смеялись громко, когда он вздрагивал и оглядывался.

...

– А?

– Ты меня не слушаешь? У нас осталось всего пятнадцать минут!

– Я слушаю, слушаю, пап!

Скоро они (кто такие «они», интересно?) придут сюда, к этому дому. Папа с мамой остаются, чтобы принять последний бой. Потому что, ну, сколько уже можно бегать от них? Набегались в своей жизни – хватит!

Их, конечно, будет больше. И их целью будут все они. Все трое. Папа, мама, сын. Чтобы хоть кто-то уцелел, надо им тут биться до самой смерти, до пожара, до взрывов. Может, полиция еще услышит и приедет... Телефон? Уже не работает. Да, и мобильный тоже. Накрыли колпаком. Нет, можешь не проверять, я уже смотрел.

Вот так, значит. Двое останутся, и будут отстреливаться. До самого последнего, сын, до самого последнего. Может быть, мы еще сумеем уцелеть. Скорее всего – нет. Это честно. Но хотя бы один Вишенка должен остаться в живых. Поэтому ты, сын, сейчас же выйдешь через задний ход, где гаражные ворота, и через забор уйдешь в лес.

– На, это тебе, – сказал папа и протянул мелкашку. – Большой ствол тебе не нужен. С ним труднее управляться, он тяжелее, да и услышат ведь. А из этой ты стрелял уже.

Ага, внизу можно было отодвинуть телевизор в коридор – он на тумбе на колесиках. А на стену, потянув за специальный тросик, поднять пулеулавливатель. Его папа сам сделал. И вот там можно было стрелять по мишеням хоть весь день. А звука выстрела из подвала совсем не слышно. Алексей сам проверял: папа стрелял, а он ходил вокруг дома и слушал. Слышно не было ничего. И он потом сам тоже стрелял. Не раз стрелял.

– Тебе надо уйти как можно дальше отсюда. Бежать, ползти, но уйти. Не забудь часть пути пройти по ручью. Тебя могут искать. Вернее, тебя обязательно будут искать. Если они смогут захватить нас, тогда сразу увидят, что тебя не хватает. А им нужны все трое.

– А вместе? – он сказал это так жалобно, что мама даже закрыла рукой глаза.

– А вместе мы просто не уйдем. Вместе нас найдут сразу и обязательно. А вот так, прикрывая тебя, есть у нас все-таки шанс.

Папа помолчал, посмотрел на часы над кухонной плитой.

– Еще пять минут... Вот тебе патроны. Рассуй по карманам, чтобы наверняка. Вот нож. Вот спички. Никаких рюкзаков у тебя не будет, чтобы было легче идти. Мой компас. Иди точно

на север. Можешь петлять, ходить спиной вперед, залезать в ущелье – но потом все равно иди на север. Через три дня тебя найдет дядя Коля.

Дядя Коля! Дядя Коля! А может...

– Он прилетит только через три дня. Такая была договоренность заранее. А связи сейчас нет, сам понимаешь. Он будет знать, где тебя искать, понял? Твоя задача, сын, идти на север. Идти и прятаться от всех. Прятаться и идти. Костер ночью не жги – увидят, найдут. Иди на рассвете и на закате. Днем пережидай, чтобы сверху тебя не засекли. Если сможешь – двигайся ночью. Но осторожно, не поломай ноги. А то догонят и найдут. Все, все, все уже... Время! Пора!

Он схватил со стола два длинных черных и тяжелых... Пулемета? Это пулеметы? Выходит, у нас были еще и пулеметы внизу? Потащил наверх, в комнату Алексея. Мама обняла его и толкнула в спину.

– Беги, сынок!

Уходя, он оглянулся: мама сосредоточенно щелкала затвором короткого курносого автомата.

...

Алексей всегда был домашним ребенком. Книжным ребенком. «Мамкин сын»...

Ну, и что? Все мы – мамкины. И все мы папкины. Только вот в школе он никак не мог ужиться из-за этого. Он не играл в футбол. В карты с пацанами под лестницей тоже не играл, потому что после школы сразу бежал домой. Не носил с собой деньги, и поэтому был неинтересен и скучен местным хулиганам. Ну, только если чуть поиздеваться. Чуть-чуть. Потому что скучно. Не приставал к девочкам из своего класса, не дергал их за косички, и не издевался над теми, кто «тили-тили тесто, жених и невеста».

Полноватый для своих лет, большой, немного уже близорукий, но принципиально не носящий в школу очки, всех и всего боящийся домашний мальчик. Самый маленький из хулиганов, двоечник из параллельного класса, мог над ним издеваться, доводить до слез своим кривлянием, но – никакой сдачи. Никакого противодействия. Да еще Алексей был не из кварталов многоэтажек, где все всегда со всеми, компанией, а настоящий одиночка – из собственного дома с окраины, с опушки черного хвойного леса.

Лес он тоже не любил.

Летом там на колючих черных елках было много паутины, которая так и норовила облепить глаза или даже залезть в рот. Было в лесу жарко и душно. Мошки и комары не давали спокойно посидеть в тени. А еще злые кусачие муравьи! Алексей однажды присел отдохнуть, не посмотрев. Потом прыгал, отряхиваясь от рыжих муравьев. Вот в книге про муравьев пишут интересно. А когда они щиплют тебя – это совсем не интересно.

А зимой в лесу было холодно.

Весной и осенью – сыро и грязно.

Нет, он ходил с родителями в лес. С отцом – на охоту и рыбалку. С обоими – по грибы и ягоды. Вот только полюбить ловить маленьких рыбок или стрелять в птиц он так и не сумел. Не мог заставить себя даже просто снять рыбу с крючка. Папа не ругался. Он просто вздыхал, похлопывал по плечу – мол, ничего, еще всему научишься – и делал все сам.

А теперь черный страшный лес вставал над Алексеем огромной стеной, загораживающей половину неба. Он оглянулся назад, где светился окнами теплый дом. Он верил родителям, так его приучили. И фильмы он смотрел самые разные. И книги читал. Так что – все ведь может быть. Наверное. Или нет?

В тишине заурчали двигатели медленно ползущих машин, фары осветили угол дома. И тут же сверху из окна раздалась длинная пулеметная очередь. И что-то бухнуло на дороге. Цветные искры красиво полетели к небу. Опять бухнуло, уже сильнее, уже почти под самой стеной дома. Из второго окна, которое ниже, вылетел снап огня, опять туго ударило по ушам.

И Алексей побежал, взяв винтовку на грудь, как спецназовцы в кино, и отплеываясь от паутины, которая все-таки лезла в рот.

...

Через три дня, говорил папа. Но это не значит, что ровно через три дня дядя Коля его обязательно найдет. Может, и позже. Ведь он сначала должен приехать к их дому. Потом, пока поймет, что случилось, потом пойдет искать Алексея. И не сразу найдет.

Потому что Алексей шел и шел вперед, поглядывая на компас. Часть пути он прошел по скользкому глинистому дну ручья, промочив кроссовки и джинсы. Ничего, сейчас лето. Это не страшно. Потом он дошел до скального массива, возле которого они обычно заканчивали с папой свои походы на охоту. Слева оставалась река, значит, скалы надо обходить справа. А потом снова идти на север. Хотя... Ага! Они ведь тоже подумают, что он подумает, что надо обходить справа!

Слева река билась о скалы, и местами Алексей проваливался по пояс. Было страшно, холодно, но спать уже совсем не хотелось. Выстрелы возле дома закончились впечатляющим бумом и настоящим фейерверком. Разве только цветы в небе не расцветали. Наверное, подумал Алексей, это боеприпасы взорвались. Раз у папы были пулеметы, значит, были боеприпасы. Тут он испугался за свои боеприпасы, выполз на берег и стал вытряхивать из карманов все, что ему дал папа. Спички оказались завернутыми в какую-то резинку. А патроны были в картонных коробках. Коробки совсем размокли, и он разломал их, порвал и выкинул в воду, чтобы не оставлять следов. А патроны протер рубашкой и рассовал по карманам на груди. Потом вспомнил, достал один и аккуратно зарядил винтовку. Смешно. Это он уже шел несколько часов по лесу, а оружие все еще было не заряжено!

Вставало солнце, но оно еще было за скалами. Папа говорил, что днем двигаться не стоит, вспомнил Алексей. Он снова вышел к лесу, нашел самую большую старую ель, ветви которой почти лежали на земле, и заполз туда, в сухое и жаркое пространство. Пауков он уже не боялся, потому что очень устал. А клещи, которыми обычно всех пугают – они на самом деле на траве, а вовсе не на елках.

И сразу уснул, обнимая свою винтовку.

...

Второй день стал самым тяжелым.

Это в первый он проспал полдня, потом нашел малинник и в нем долго возился, обирая осыпающуюся сочную красную ягоду. А потом вдруг вспомнил, уже объевшись, что в книжках малинник всегда – место кормежки бурого медведя.

Как же он оттуда бежал на север! Как бежал! Учитель физкультуры был бы доволен, наверное. Только где сейчас тот учитель?

Иногда Алексей останавливался и долго сидел, дыша тихо-тихо, через широко открытый рот, вслушиваясь в лес. Пару раз стрекозами над самыми верхушками деревьев пронеслись мотодельтапланы. Папа говорил, что его наверняка будут искать. Вот, ищут. Папа все правильно говорил.

На самом закате он разжег маленький костерчик из сухих сосновых шишек, выкопав ножом небольшую ямку. Костер почти не давал дыма, и огня почти не было – был просто жар, на котором, надев на ветку, он поджарил несколько сорванных по дороге грибов. Он знал, какие грибы бывают летом. Это мама показывала ему. Алексей вспомнил маму и немного поплакал. Он не потому плакал, что ее убили. Он про «убили» просто так подумал, как в кино. Он просто плакал, потому что ему плакалось.

«Глазки потеют», – смеялся в таких случаях папа. Вот, глазки сильно потели. И еще в них попадал легкий белый едкий дымок от костра. Глаза щипало, вот он и плакал.

Ночью он спал. Потому что ходить ночью по лесу он еще не решался. Темнота его пугала, пожалуй, сильнее, чем неизвестные «они», от которых надо прятаться.

А второй день был самым тяжелым. Тут не было умывальника. Не было туалетной бумаги, и это казалось почему-то самым стыдным. Алексей чувствовал грязь на всем теле. А на руки просто боялся смотреть. С такими бы руками мама ему – ох!

Он вспомнил маму и пошмыгал носом, на ходу вытирая его рукавом куртки. Грибов больше не было. Да и тот случай был, наверное, просто везением. Ягод тоже не встречалось. Весь второй день он шел голодным. Тяжело шел. От дерева к дереву, стараясь очень далеко не уходить от реки. Потому что без еды прожить какое-то время можно, а вот без воды – совсем никак. Об этом он читал.

И спать на голодный желудок было тяжело. Вернее, не спать, а лежать, вслушиваясь в лесные звуки. Треснул ли сучок? Слышно ли чье-то дыхание?

И еще – холодно. Что это за лето такое, что так вдруг холодно?

Он выполз на свет только на рассвете, когда красное солнце выглянуло из-за елок, и снова пошел. Ну, да. Не охотник он. И даже не рыбак. Но кушать-то надо. Потому что надо идти на север – папа сказал не останавливаться. А чтобы долго идти – надо много кушать.

Так Алексей уговаривал себя, подбираясь с винтовкой наперевес к очередной полянке. На той ворковали типичные городские голуби. Только цветные какие-то. Коричневые. Он долго целился, примостив винтовку в развилку ветвей, потом, затаив дыхание, медленно-медленно потянул спусковой крючок. Щелкнуло, как ветка сломалась. Лес даже не заметил выстрела. Только голуби поднялись стайей, оставив одного на поляне.

Алексей подождал еще немного, вслушиваясь. Вроде, никого рядом. Тогда он быстро выбежал, схватил птицу за крыло и тут же убежал обратно в лесную тень.

Нож был очень острым.

Кое-чему его папа все-таки научил: как потрошить, как осторожно вырезать самое горькое, чтобы не отравить мясо желчью. А ощипывать птицу он не стал. Сходил к реке, посидел в кустах на берегу, смотря то вверх, то вниз по течению, а потом под песчаными наносами накопал сырой тяжелой красной глины и завернул потрошеную птицу в нее, превратив в сплошной ком. Веточкой сделал два отверстия. Закопал в песок. А сверху опять развел маленький почти бездымный костерок, подкидывая в него шишки, и суша одновременно свои совсем расплзшиеся кроссовки. Костер без дыма – это если не наваливать много веток. И сырого не класть. Надо положить около огня заранее, чтобы подсохло все. А потом просто подкладывать по одной.

Полчаса он вытерпел. Он умел терпеть, на самом деле. Потому что был, как говорил папа, «дисциплинированный». Папа остался там. С мамой. А он должен все равно идти на север.

Алексей стукнул рукояткой ножа по горячему глиняному кому. Еще раз, раскалывая на части. Внутри были перья и пух, а между ними вкусное распаренное белое мясо. И остатки костра и кости он снова закопал, накрыв ямку куском дерна. Посмотрел со стороны: если специально не искать – так и не заметишь!

Ну, вот. Три дня, значит.

Патрон в патроннике. Винтовка на груди. Теперь он пошел ночью. Папа говорил: можешь – иди. Вот Алексей и пошел. Теперь, подумал он, еды хватит. Было целых две коробки патронов. То есть, всего двадцать штук. Если осторожно и метко стрелять, может хватить на целый месяц. Ну, или почти на месяц. А дядя Коля уже приехал, наверное, и теперь разбирается со следами.

Алексей улыбнулся. Вот пусть посмотрит, пусть попробует его найти. Это как игра, выходит. Он шел медленно, отводя от лица ветки, стараясь не наступить на сухой сучок.

И вдруг впереди замерцал огонек. Костер!

Алексей глянул на компас. Костер был прямо на север от него. Никто же не говорил ему, что нельзя посмотреть? Сначала он шел на цыпочках, потом пополз по-пластунски, держа винтовку, как спецназовцы в кино.

Когда он приподнял голову, чтобы посмотреть из-за кустов, что там, на поляне, у костра, в шею сзади ткнулось холодное, и грубый голос сказал:

– Лежать! Руки на затылок!

Тут уже не поспоришь и не вывернешься. Со взрослым Алексей справиться вряд ли сможет. Он отпустил винтовку и дисциплинированно положил руки на затылок.

– Ну, что, – сказал тот же голос, но уже нормальным тоном. – Тридцать километров. Три дня. Я же говорил, что Лёха – наш парень!

– Дядя Коля! – он опять чуть не заплакал.

– А кто бы еще? – подмигнул смуглый и веселый дядя Коля. – Пошли, путешественник. Будем еду есть, чай чаевничать и разговоры разговаривать.

– А костер не заметят? – осторожно спросил Алексей, посмотрев на небо.

– Уже нет, – вздохнул дядя Коля.

И вот тогда он много всего объяснил. И насчет фамилии их – тоже. На самом-то деле они, то есть папа, мама и сын, были «вышними», то есть высокими, верхними. Там, на той стороне, махнул он рукой куда-то влево. А когда сюда перебрались, стали Вышенко. С ударением на второй слог, понятно? Такой там был язык, куда попали сначала. Ну, а уж когда переехали в этот город, а потом еще и меняли документы в связи с переездом, стали, как, ну?

– Вишенка..., – сказал растерянно Алексей.

Какой же он был тупой! Ну, конечно же! Так все легко и просто раскрывается!

– А ты, дядь Коля?

А он и его сестра, Лёхина мать, были Вохровы. А это еще проще – «в» – это вооруженные. «Охр» – охрана. Понимаешь, Лёха, Вохровы – они всегда рядом с Вышними. С Вишенкой, значит. Потому и родня. И если что – охраняем и помогаем. Вот он и приехал сразу, чтобы спасти и охранять.

– А папа с мамой? – с замиранием спросил Алексей.

– Ищем, – сурово ответил дядя Коля. – Найдем. А пока мы с тобой погуляем по этому прекрасному лесу. У нас с тобой будет долгое путешествие. Чтобы уже наверняка. Ну, ты понял, да?

– Угу, – кивнул Алексей.

...

– Чем питался?

– Малину нашел, грибы... Голубя убил и зажарил.

– Потрошил? Значит, у тебя, выходит, первый голубь, да? А у меня первым был петух. Не поверишь – петух! Мне было лет десять, и у нас был огромный и красивый петух. Просто огромный. Он был мне по пояс, представляешь? А когда раскидывал крылья, распушался и шел в атаку – о-о-о! Я его боялся дико. И однажды попался. Он просто гонял меня – животные чувствуют страх, все животные. Не только собаки там разные или волки. Вот, петух этот чувствовал, что я его боюсь. И когда я приходил из школы, то бежал к крыльцу со всех ног. А он – за мной, взлетая иногда на скорости. Ужас... Чего смеешься? Знаешь, как страшно, когда петух?

Алексей зажимал рот, но все равно смех вырывался наружу. Дядя Коля – убегающий от петуха!

– ...И попался. Как-то так повернулся неудачно. Или вошел во двор, не посмотрев, задумавшись, что ли. А петух как подпрыгнет! И клюнул меня прямо в лоб. Вот, даже шрам остался.

Он нагнулся, и в колеблющемся свете костра показал на точку между бровями.

– Это он так клюнул. Так вдарил, что кровинки было – ух, сколько. А еще он сломал себе клюв о мою черепушку, и кончик клюва вышел только потом. Вот шрам и остался.

– А я думал, это на войне..., – Алексей подул на кружку и отхлебнул горячий сладкий чай, пахнувший какими-то травами.

– На войне рана сюда – это смерть! Ты что, парень! Без каски на войне просто нельзя. Но мне было десять, у меня лила кровь, петух гнал меня до крыльца... А на крыльце стоял отец и курил. Он просто стоял – и курил, представляешь? Ничего не делал, но петух сразу стал маленьким и боком, боком убрался за сарай. А отец посмотрел на меня, посмотрел, а потом вздохнул, и из-за двери вытащил топорик. Это был мой собственный топорик, я его точил всегда сам. Хворост порубить, растопку приготовить – это моя работа была. Вот, он мне топор дает и говорит, иди, мол, сын, и принеси мне своего первого петуха. Понял, да?

– И ты зарубил петуха?

– Это был бой, парень! Настоящая битва, как в страшном кино! Я гонялся за ним, и теперь уже он убегал от меня. По всему двору перья... А на крыльце стоял отец и смотрел. Мы потом этого петуха долго потрошили, ощипывали, обварив кипятком. Потом рубить на части. Потом еще варили. Долго варить пришлось – он же не цыпленок. Мама тогда сильно ругалась на нас. А мы только подмигивали друг другу, когда ели этого петуха.

...

– Да нормальный пацан у вас – Лёха! Мы с ним и охотились, и рыбачили. Он из книг много полезного вынес. Ну, и вы все-таки кое-чему научили, конечно. Я тут приврал немного, но ему было приятно, – рассказывал дядя Коля, пока Алексей отмокал в горячей ванной после бурной встречи с родителями. – А чем это вы тут так бахнули? Он рассказывал, самый настоящий бой был?

– Я сам все сделал, – гордо сказал папа. – Что, зря меня в армии учили, что ли?

...

Первого сентября, как обычно, Алексей шел в школу. Шел спокойно, посматривая по сторонам и присматриваясь к прохожим. Папа и мама живы – это хорошо. Охрана всегда где-то рядом – тоже. Но береженого, как говорил дядя Коля, бог бережет. Надо быть готовым ко всему.

– О! Пацаны! Кто идет! Лёшенька! Наша вишенка! – гнусаво завопил кто-то за спиной, кривляясь. – Эй, толстый!

Алексей мягко развернулся на одной ноге, шагнул на не ожидавшего встречного движения парня из параллельного класса, резко, как учил дядя Коля, выставил вперед вторую ногу. Пацан тут же сам въехал в нее и кубарем покатился на дорогу под дружный смех школьников. Вскочил, кинулся было, да еще и за ним подтянулись друзья, недовольно крича что-то.

Но вдруг с забора прыгнул второгодник Мишка и спросил:

– А чего это вы тут все на одного? – и свистнул.

И еще трое одноклассников встали с ним рядом.

– Это, между прочим, мой одноклассник, – сказал Мишка. – Как там тебя... Э-э-э...

– Алексей, – серьезно сказал Алексей и протянул руку.

– А я, значит, Михаил, – сказал Мишка. – Ну, что, сядем вместе?

Зомби-зомби-зомби

К зомби-апокалипсису мы никогда специально не готовились. Если и готовились к чему, так это к неожиданному выезду из города. Что-то вроде войны или волнений массовых, и надо будет вдруг отсюда бежать. Об этом и говорили на кухне. А над тупыми американцами, которые боятся придуманных зомби и держат в доме запасы продовольствия, а еще изучают правила убийства кошмарных зомбаков и ходят на специальные курсы, только смеялись.

Вот поэтому, наверное, все так и вышло.

Ночной звонок в дверь – самое противное дело. Я еще покрутился в постели, потом накрыл голову подушкой и попробовал снова уснуть. А тот, что за дверью, снова стал названивать. Ну, ведь ясно же, что это вовсе не ко мне. Нет у меня никаких таких странных знакомств, чтобы по ночам... Ну, какого еще там и кому и вообще? Вот, предположим, ты спяну или с устатку ошибся этажом или дверью. Позвонил целых три раза. Не дождался ответа. Так хоть на номер квартиры погляди! Хоть лестничную площадку осмотри – ну, не твое это все, не туда приперся! Или укуренный в конец просто?

Опять звонит. Надо будет мне поменять эту звонилку. А то сигнал, как вот просто не знаю, что. Мертвого поднимет. Меня практически совсем поднял. Не уснуть теперь никак уже. А на часах, между прочим, всего три часа ночи. Ни туда, выходит, ни сюда. Ни выпатиться хорошо, ни вставать, чтобы работать.

Как же громко трезвонит! Пойду и скажу ему что-нибудь. Или даже ударю. Прямо вот в лицо. И еще поддых. И потом ногой, ногой...

Опять звонит. Просто в голову шуруп ввинчивается.

– Иду уже, иду...

Не слышит, названивает какую-то мелодию. Что-то такое прерывистое. Знакомое что-то. «Спартак-чемпион», что ли? Васька, никак?

– Какого еще черта и вообще? – спросил я, открывая дверь старому другу.

А он ворвался, оттолкнув меня в сторону, и сразу стал быстро-быстро руками по двери, как в кино. Щелк-щелк-щелк... Заперся, типа.

– Ты, гад последний, совсем сдурел, что ли? Сколько сейчас времени – знаешь?

Васька, друг с самого детства, отмахнулся, прилипнув к дверному глазку. Смотрел долго, дышал часто, будто бежал откуда-то. Наконец, повернулся, глаза вытаращил:

– Ну, блин, с днем рождения тебя, что ли...

– Дурак совсем, да? Три часа ночи! Завтра на работу... То есть, уже вот сегодня скоро...

– Ага, я-то дурак... А ты... Телевизор лучше включи.

На кухне телевизор тихонько шипел и показывал серую муть. В комнате – тоже. Я пошевелил мышкой, оживляя спящий компьютер, ткнул в яркий значок на рабочем столе. Хм...

– Интернета тоже нет.

– Скажи спасибо, что пока есть свет! – горячо зашептал он. – И ты не шуми так, а говори тихо – они на шум и свет резко реагируют.

Свет тут же погас. Как по команде какой. И больше не включался, как ни щелкай выключателем.

– Ну, вот и до подстанции добрались, – непонятно сказал Васька.

– Да кто еще и куда добрался?

– Зомби, так твою и перетак и налево с выкрутасами. Америкосы не зря всех своих к этому готовили. Натуральные зомбаки, представь... Жрут, в натуре, людей и передают заразу дальше. Как в кино, прикинь!

Нет, мало того, что разбудил в три ночи – в самый, понимаешь, мой день рождения, так еще и дурь разную несет.

– Накурился, что ли? Или пил крепко?

– Ты телевизор включал, в Интернет лазил... Свет вот тебе еще погас. И я, по-твоему, спать не хочу, что ли? Я к тебе из кабака бежал, так все ноги, блин, сбил. Как услышал сообщение – сразу к тебе. Вдвоем-то все проще продержаться, чем в одиночку.

– Продержаться?

– Блин, да просыпайся ты, наконец! Хватит тупить!

Он мне подробно, плотно пересыпая обычные слова матом, рассказал о событиях этой ночи. Как ровно в полночь прозвучало экстренное сообщение. Как было сказано, чтобы все сидели по домам, запершись, и ждали армию. Как потом начали постепенно отключаться телевизионные каналы. Как он, Васька, пробирался ко мне пешком практически через весь город. Потому что – куда еще, как не к лучшему другу?

– Да, ладно..., – говорил я, растирая лицо. – Ты мне тут втыкать начинаешь всякое такое. Мы сколько раз уже обсуждали с тобой. И отмирание нервных окончаний, и про кровь и питание, и про мозг и выстрелы в голову... Ну, брехня же! Ну, не бывает такого! И даже не смешно. Ты мне еще про вампиров поговори, ага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.